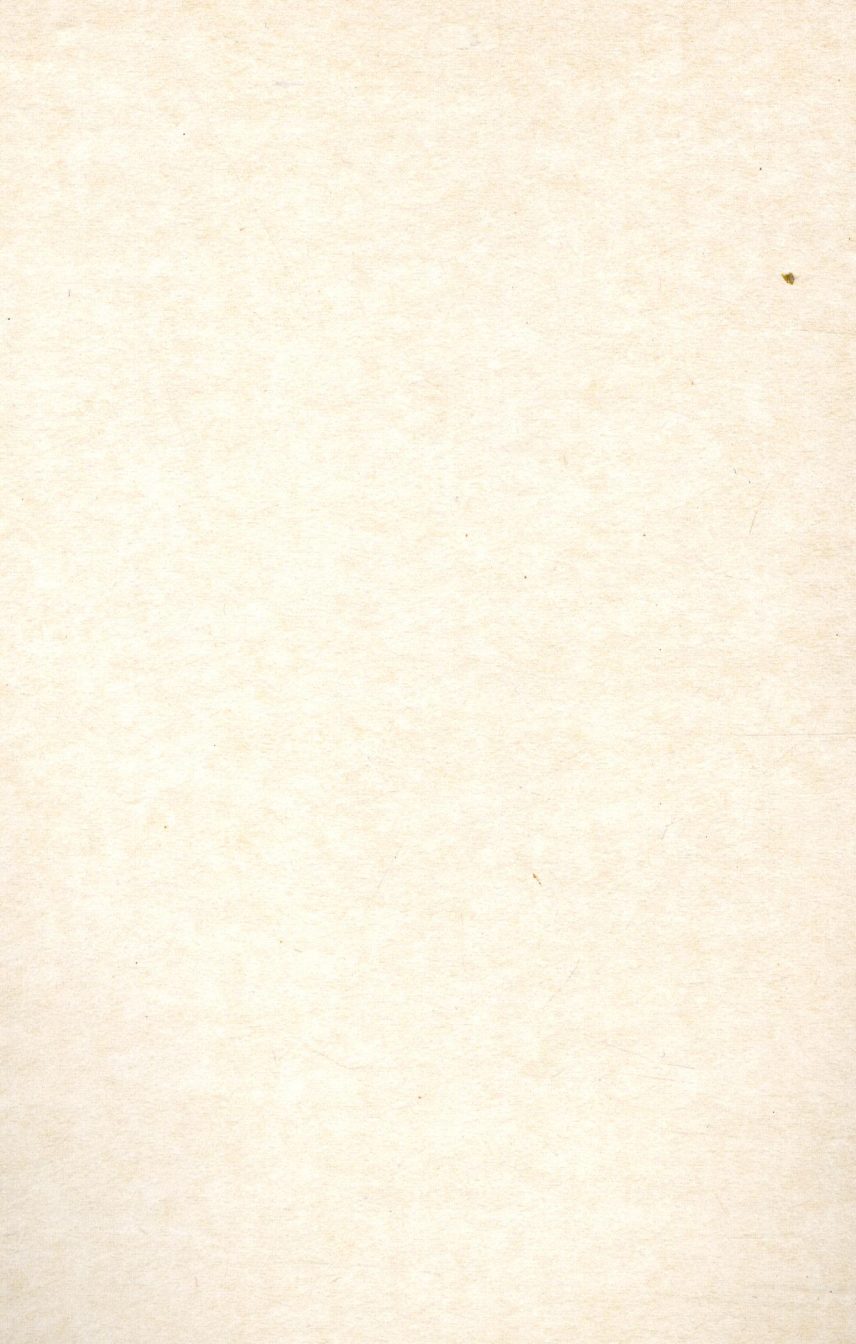


В.Р. Ваврикъ

о. Игнатій



В. Р. ВАВРИКЪ

Львів. Бібліотека
АН УРСР

О. ИГНАТІЙ

(поэма)

автор

Беломорск

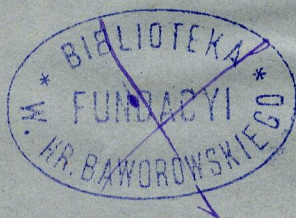
№ 18.408
25.6.41

Л Ъ В О В Ъ , 1 9 3 4 .

WS 127153-099

WITAJ

For P. G. Jannaha
4/III 1935 K. F. 7311



В. Р. ВАВРИКЪЛк. 18. 408
25. 6. 41.

Отець Игнатій.

(поэма).

1.

Отшельникъ.

Тер 285-19.7

Львівська державна
наукова бібліотека

534

Въ городѣ Льва шумъ, движеніе.

Собравшись со всѣхъ угловъ Прикарпатской полосы, трудовой кишитъ народъ, не умолкая. Непроглядный рядъ знаменъ и тьма-тьмущая вѣнковъ.

Въ промежуткахъ хоры, пѣніе.

Хлынуть волны за волнами такъ, что тяжело пройти напротивъ теченія. Рядомъ съ молодежью старики медленно шагаютъ. Матери, плачущи, дѣтей ведутъ.

У могилы Талергоффа тысячи людей стоятъ.¹⁾И идетъ народъ, что море, мимо памятника. Одного лишь не видать — старца изъ Дытковецъ.²⁾

Чего-же нѣтъ его среди всѣхъ насъ? Али дѣтки въ путь-дорогу не желали отпустить, аль супруга побоялась одинокой въ хатѣ жить?

Нѣтъ у батюшки подруги, нѣтъ дѣтей подъ старость лѣтъ. Онъ—отшельникъ! Безъ рубахи, полотнянкой лишь прикрытъ. Весь обросшій волосами. Тошій, черный, какъ земля.

Не апостоломъ-пророкомъ онъ идетъ въ родной народъ, но молитвой умиряетъ плоть при пыльных жерновахъ. Онъ питается мякиной, пьетъ съ мякины горькій квасъ. На доскахъ спитъ и поклоны бьетъ о камень и порогъ.

Хижина—пустыня!

Съ крыши льется дождь. Зимой морозъ сушитъ старца всѣ суставы. Толстой пыли пелена, ветошь и трапье покрываетъ.

Тишина.

¹⁾ По случаю Талергофскаго Съѣзда, 31-го мая 1934 года во Львовѣ.²⁾ о. Игнатій Гудима, православный священникъ изъ Дытковецъ.

Укравкой лишь по изорванным тетивамъ ³⁾ мышь въ туманъ пробѣжить.

На рукахъ отшельника вериги; на ногахъ-же кандалы. Божьи онъ псалмы читаетъ предъ распятіемъ Христа. Изъ его очей струится безутѣшная слеза.

Развѣ можно веселиться, когда плачетъ Родина?

Что творится за избенкой, не тревожитъ мысль его; въ немъ всѣ страсти притупились, и онъ весь ушелъ въ себя. Глухъ и нѣмъ онъ на призывы и сосѣдей и друзей, и за недруговъ обиды бьетъ челомъ о жернова.

Мимо годы прошумѣли, канувъ въ бездну бытія; отзвенѣли его пѣсни и не повторятся вновь. Какъ поблекшіе листочки, дни его весны лежатъ у ногъ безъ движенія. Горою горе выросло передъ нимъ. Въ тишинѣ нѣмая думы, тяжелѣй одна другой, — думаетъ онъ, — и безъ конца его уединеніе, и безъ просвѣта его тоска. Но упрямъ отецъ Игнатій! И все прошлое убить онъ хочетъ постомъ, молитвою и поклонами о полѣ.

Порой кажется ему, что цѣли онъ своей добился. Но въ тиши прошлое вдругъ отзовется; то молодость вспоминается, то образъ милой выступить впередъ и душу сырую согрѣетъ, и грудь, и сердце оживить. Какъ сонъ мелькнетъ, и потомъ опять уныніе шумитъ надъ головой старика.

2.

Гитлявальдъ.

Часто о. Игнатію приходитъ на мысль, какъ онъ былъ юношей, бодрымъ и въ расцвѣтѣ лѣтъ, въ гимназической тужуркѣ съ золотымъ воротникомъ. Неизгладимымъ воспоминаніемъ врѣзался въ его память одинъ моментъ: Какъ будто сегодня, онъ видитъ въ отдаленіи городъ; солнце клонится къ закату, засыпая Гитлявальдъ ⁴⁾ золотымъ осеннимъ блескомъ; теплый вѣетъ вѣтерокъ; въ гушѣ сосенъ тихо и мирно.

Сходка тайная въ лѣсу!

Отъ чего стоятъ въ молчаніи студенты? Отъ чего радость не играетъ на ихъ юныхъ лицахъ?

³⁾ Тетива—струна. Свящ. Игнатій былъ когда-то хорошимъ скрипачемъ

⁴⁾ Гитлявальдъ—такъ называется сосновый лѣсъ за Дытковцами.

Снова новое насиліе, снова пакостный нажимъ: русскимъ запрещено вписываться именемъ своихъ предковъ въ анкетный листъ при вступленіи въ гимназію. И поэтому случаю здѣсь, вдали властей и надзора, собралась вся молодежь, чтобъ рѣшить достойно и честно этотъ жизненный вопросъ.

Много шума, много толковъ сосны слышали тогда, и обѣты, и присяги принимали небеса. Когда-же, однако, пришло къ развязкѣ, къ выбору трехъ посланцовъ къ директору, всѣ притихли и попрятались, и стали, какъ говорить пословица, тише воды и ниже травы.

Тутъ впередъ выступилъ смуглый гимназистъ. Игнатій, и говорить: „я къ директору пойду! Правды нечего бояться! Вѣдь учили въ школѣ насъ, что за Родину-отчизну любо, честно умереть! Изъ неволи въ свѣтъ на волю разомъ, братцы, посмѣлѣй! Посмотрите, новымъ свѣтомъ загорѣлась полоса!“

И слова горячяго призыва текли, словно вешняя струя. И теперь о. Игнатій не пойметъ и не разберетъ, отъ чего родилась сила слова, вдохновеніе и легкій слогъ. Напрасно онъ силится разгадать, что подняло его духъ къ свободѣ и что разожгло живой огонь въ его груди.

3.

Въ семинаріи.

Съ приходомъ каждой новой весны, о. Игнатій становится блѣднѣе и печальнѣе. Въмѣсто того, чтобы окрѣпнуть на силахъ, онъ угрюмо шепчетъ свои молитвы. Какой-то томительной немочью дышитъ его сердце. Съ болью головы встаетъ онъ послѣ невыспанной ночи. Однако онъ боится выйти въ свой огородецъ, чтобы освѣжить себя.

И недѣлями не выходитъ изъ хаты, пока въ огородахъ не отцвѣтутъ маки. Почему же онъ ихъ такъ боится?

Однажды, когда весна клонилась къ закату, выпалъ жаркій, душный день. Всю ночь не спалъ о. Игнатій. Безсонница мучила его, какъ никогда еще раньше. Онъ вышелъ въ огородецъ. Но что за чудо, что за диво! Тамъ, гдѣ маки разцвѣли, въ красныхъ колпакахъ стоятъ клирошане: впереди пралаты, за ними каноники и деканы. Всѣ киваютъ головами и громко спорятъ между собою. Вдругъ

всѣ они поднимають высоко руки и, показывая пальцами въ его сторону, кричать:

— Это онъ! это онъ!

И самъ ректоръ, гордый и грозный, какъ іюнская гроза, подходитъ къ нему съ бумагою и, вручая ему, повелѣваетъ:

— Прочитай!

Сталь читать студентъ Игнатій самъ о себѣ, что онъ — слушатель перваго курса богословія — черезъ границу изъ Дытковецъ заходить къ „схизматикамъ“, что поносить Рима власть надъ всѣмъ міромъ и Лайолу и Іосафата не желаетъ называть святыми.

И канониковъ, прелатовъ кровью очи налились, и промолвилъ грозный ректоръ:

— Га, то ты таковъ? Отвѣчай!

И впередъ о. Игнатій выступилъ и отвѣчаетъ:

— Отчасти лживъ, но отчасти вѣренъ сей преподлѣйшій доносъ! Ложно то, что черезъ границу я пробираюсь тайкомъ въ православныя села. А правдиво то, что русскій я востокъ люблю и почитаю. Преподобнѣйшій ректоръ! не схизматикъ я, но вы стали имъ за сей красный, кичливый колпакъ. Узнайте жъ всю правду: для меня Почаевъ, Кіевъ и Полтава, и Москва такъ же близкіе и родные, какъ Львовъ, Галичъ, Перемышль. Да, Лайолу и Іосафата не могу назвать святыми. Благочестивыхъ, истинныхъ подвижниковъ во имя Христа, не завоевателя папы у насъ на святой Руси не мало. Куда привлекательнѣе ихъ Сергѣй, Іовъ Желѣзо и тьма-тьмущая другихъ.

Засверкаль очами ректоръ и крикнулъ на всю палату:

— Вонъ отсюда! вонъ скорѣй!

Будто на знакъ, всѣ каноники, клирошане и прелаты подняли такой проклонъ, что затряслись своды зданія и отъ звенящихъ оконъ пошелъ гремучій трезвонъ.

Въ обморѣ тутъ палъ бѣдняжка Игнатій, и когда очнулся вновь, густо на его ланиты вѣтеръ маковъ цвѣтъ бросалъ. На кудрявой, старой грушѣ черный воронъ готалъ; на второй кудрявой грушѣ врознь чирикали скворцы. На изгибчатой дорогѣ тучей подымалась пыль.

⁵⁾ На основаніи ложнаго доноса декана бродскаго округа Анатолія Долинскаго и законоучителя, Софрона Глѣбовицкаго, Игнатій Гудима былъ удаленъ изъ львовской духовной, уніатской семинаріи митрополитомъ Андреемъ Щептицкимъ.

Саня.

Полночь.

Неуютно. Въ хатѣ съ луннымъ свѣтомъ борятся сумерки, На крышѣ мыши бѣгаютъ, шуршатъ, пищать. Не



Какая славная чета!

спится о. Игнатію. Поднявшись изъ нарѣ, онъ смотритъ въ окно. Луна на небѣ освѣщаетъ тучки, и въ бузинѣ, въ углу сарая, трепетными звуками оглашаетъ ночную

тишь пѣснетворецъ-соловей и, словно умными словами, излагаетъ чувства своего сердца.

Праздникъ Троицы.

То не призракъ, не видѣніе и не сонъ, а чудо, знатъ: яркой зеленью и цвѣтомъ въ лунномъ свѣтѣ садъ блеститъ; на березы и каштаны далеко бросаетъ тѣнь Яблочинскій монастырь, усыянный многочисленными куполами и крестами.

Кто же это изъ бесѣдки выходитъ?

Это она, это Саня!

Это Саня въ бѣломъ русскомъ сарафанѣ, съ красной розой на груди. Край зефирнаго наряда окаймленъ синей каймой; на ея головушкѣ вѣнецъ, на шеѣ ожереліе. Малинушкой въ дубровѣ цвѣтеть ея румяное личико, но сизые глаза подернуты какой-то тайной грустью. Русая коса подъ флеромъ раскинулась по плечу.

Кто тебя, коса въ три пяди, нынѣ расплеталъ къ вѣнцу?

Не родная матушка ее расплетала! Однолѣткой Санюшка была, когда матушку ея могила въ лоно приняла свое. Эту дивную, русую косу въ три пяди расплетали друженьки и, расплетая нѣжно, напѣвали завѣтныя, свадебныя пѣсенки.

Но кто тебя, красотка-Саня, на новый путь поблагословилъ?

Не родной родитель! Онъ погибъ въ морѣ-океанѣ за честь Родины. Онъ погибъ въ лютомъ сраженіи съ японцами на восточныхъ глубинахъ и послѣднимъ, вмѣстѣ со всей богатырской залогой „Варяга“, пошелъ на дно моря.⁶⁾

Саню поблагословилъ Антоній,⁷⁾ владыка кіевскій и галицкій, ободрилъ ее разумнымъ, Божьимъ словомъ на подвигъ и, возлагая вѣнчалъный вѣнецъ на голову, напутствовалъ отческими благопожеланіями. Однако, она почти ничего не понимала изъ всего сказаннаго, и храмъ, и кадила, и свѣчи, и хоръ, и длинный рядъ сестеръ, монаховъ и гостей слились въ единый строй и шумъ.

За брачною трапезою веселіе: разговоръ, тоасты,

⁶⁾ Супруга о. Игнатія, Александра, была дочерью морского офицера, Ивана Лещинскаго, погибшаго въ бою съ японцами. Какъ извѣстно, воспитывалась въ Яблочинскомъ монастырѣ.

⁷⁾ Антоній Храповицкій.

смѣхъ, а тамъ танцы, пѣсни, забава. Всѣмъ мило и радостно. Одной лишь Санѣ грустно. Непрошенныя слезы сами льются по ланитамъ, и она тайкомъ уходитъ изъ палаты въ садъ, чтобы тамъ, въ густомъ виноградникѣ, дать волю своимъ чувствамъ.

Воспоминая дни своего сиротскаго прошлаго, она горько плачетъ и не замѣчаетъ, какъ подходитъ къ ней украдкой тотъ, съ которымъ рокъ связалъ ее уже развѣ навсегда.

Онъ красивъ, какъ греческій герой. Шаловливый вѣтерокъ развѣваетъ его кудрявый, черный волосъ. Изъ веселыхъ очей брызжитъ свѣжій, юный пламень. На немъ черная, крестьянская рубашка, вышитая красной нитью. Она очень идетъ къ его лицу, засѣянному мелкимъ, чернымъ пушкомъ; идетъ къ умнымъ глазамъ, сіяющимъ непринужденной радостью; идетъ къ всей его привлекательной замашкѣ.

Беретъ Игнатій свою красавицу Саню подъ руку и идетъ съ нею по левадѣ сада. Кругомъ поютъ птички, весело улыбается солнышко. Она склоняетъ къ нему свою увѣнчанную голову, прижимается къ нему ласково и идетъ тихо, какъ пава.

Что за славная чета!

Идетъ Саня съ о. Игнатіемъ по тропинкѣ сада Яблочинскаго монастыря и, какъ лебедушка, щебечетъ къ нему жалобно:

— Отъ сегодня, мой милый, ты для меня не только мужъ и пріятель, но и мать, и отецъ. На сіе твое плечо надѣюсь, ибо кромѣ него, у меня нѣтъ другой опоры на свѣтѣ. За то съ тобой, какъ раба, пойду повсюду...

Облокотясь на окно, думаетъ о. Игнатій. Сердце дышитъ тяжело, голова клонится на туманное стекло. Вдругъ встрепенувшись, онъ впопыхахъ крестится трижды, дѣлаетъ знакъ креста въ воздухъ и твердо говоритъ:

— Прочь, сатана, отъ меня!

5.

Арестъ.

Двигутся ночныя тѣни, бродятъ безъ конца. Злымъ предчувствіемъ томимый, молится въ упоръ монахъ и дрожитъ, какъ въ лихорадкѣ, еле стоя на ногахъ.

Это что за шумъ въ природѣ?

Ой, то клекочеть Збручь-рѣка. На Залучье⁸⁾ отъ Карпатъ надвигается гроза. Санюшка шьетъ-вышиваетъ, тихо пѣсенку ведя, и псалтырь о. Игнатій читаетъ на распѣвъ.

Во двери стукъ!

Ай, что за гости въ хату съ Господомъ идутъ? Это батюшка Максимъ Сандовичъ, съ молодой своей женой, Пелагійей! Двѣ подруженьки не натѣшатся собой, второпяхъ вспоминая Яблочинскій монастырь, всѣ дорожки по аллеямъ, всѣ забавы юныхъ лѣтъ, лица, нравы, поведенія всѣхъ наставницъ и подругъ. Между тѣмъ по узкой хатѣ шагъ за шагомъ проходясь, все священники толкуютъ такъ и сякъ, и спора нѣтъ, что ихъ положеніе въ морѣ постоянной злобы, мести и издѣвательствъ становится съ каждымъ днемъ хуже: нѣтъ имъ покоя отъ жандармовъ и отъ сыщиковъ кругомъ, за бумагою бумагу почта съ уѣзда несетъ.

Горе! Горькая ихъ доля.

Ходятъ они, думаютъ, гдѣ спасенія искать, какъ имъ быть и что имъ дѣлать, но отвѣта не находятъ. Душно въ крестьянской хатѣ, и на свѣжій воздухъ выходятъ оба священника на рѣку—Збручь, чтобы отдохнуть облегченной грудью.

Свѣжо и чудно послѣ дождя. Чистое солнышко—заходя за синій валъ Карпатъ, улыбается дѣтскою улыбкою. Какъ здѣсь мило и любо! Какая Божья благодать! И обратно домой не хочется.

Изъ душистаго поля выходятъ священники на рѣку-Збручь. Мечется мутная, нахлынувшая изъ горъ, вода. Медленно они входятъ на мостъ, и тутъ два жандарма, какъ каты, путь имъ перегораживаютъ, именемъ цѣсаря вяжутъ цѣпью руки.

— Шпіоны! Вы въ потемкахъ мостъ измѣряете! За это вы головой заплатите! Маршъ въ уѣздъ!

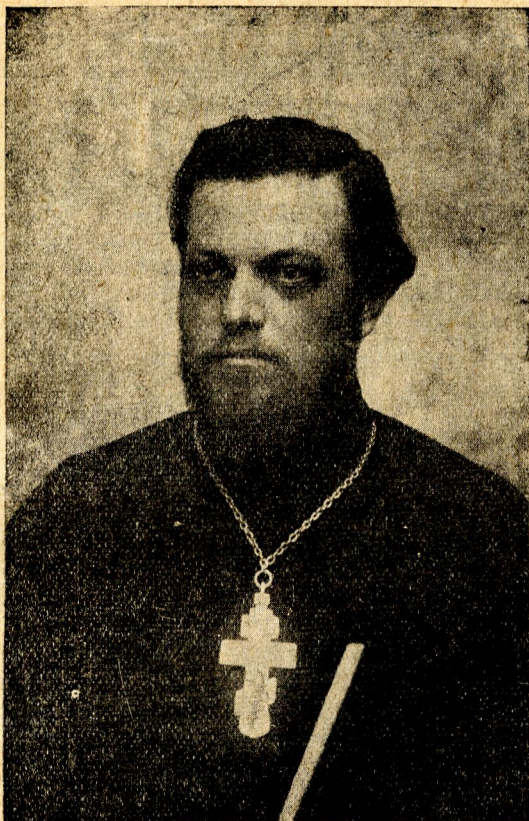
У окна сидятъ подруги, беспокоятся, грустятъ. Полночь. Гдѣ же ихъ супруги? Почему ихъ не видать? И вдругъ слышатъ, на кладбищѣ вопить жалобно сова:

— Ужъ мужей своихъ не ждите, ихъ жандармы повели...

⁸⁾ Въ селѣ Залучье, гусятинскаго уѣзда, о. Игнатій началъ свою миссіонерскую дѣятельность.

Идя по крутой дорогѣ, говорить о. Максимъ:

— Вся судьба въ десницѣ Бога. Онъ погибнуть намъ не дастъ, а преслѣдованія, муки, крестъ Христа — то нашъ удѣлъ. Симъ путемъ шли миллионы, и мы можемъ



о. Игнатій въ с. Залучье.

имъ пойти. Цѣпи и колодки на нашихъ рукахъ — знамена нашей правоты.

Все идутъ они. Соленный потъ заливаетъ ихъ лица. Говорить о. Игнатій:

— Роковой подернуть тучей обездоленный нашъ

край. Не ошибка и не случай это, что въ вязницу насъ ведутъ. Ибо напосѣлись крѣпко наши недруги-враги вырвать съ корнемъ вѣру у народа и погубить святую Русь. Будь мнѣ свидѣтель, о. Максимъ: пусть меня теперь изрублять, на кусочки посѣкутъ, но не отступлю ни на крапинку отъ вѣры моихъ предковъ. Въ ней сила и правда Руси!..

— Маршъ! Маршъ! Маршъ! — кричитъ жандармъ.

Протеревъ закислыя очи, о. Игнатій съ ужасомъ смотритъ въ окно.

— Что это? жандармъ Пушкарь?⁹⁾ — думаетъ онъ, и весь содрагается, но открывши глаза шире, видитъ въ окнѣ дюжю собаку, которая воткнула въ выбитую занавѣску скарѣдную морду и ворчитъ, и морщитъ брови, и водить усами, и бьетъ лапой въ звенящее стекло.

— Ахъ, пропади ты окаянная сатана! Во что ты неопрекидываешься! Господи, Господи, спаси меня!..

6.

Судъ.

Весь день о. Игнатій на молитвѣ.

Въ его глазахъ темнѣетъ, а онъ все молится. Подъ вечеръ въ изнеможеніи онъ падаетъ на полъ. Летучая мышъ, влетѣвъ сквозь форточку окна, рѣетъ надъ его головою. Вотъ она садится на печкѣ и смотритъ на анахорета своими страшными глазами. Потомъ опять вѣется по комнатѣ, и подъ шумъ ея крыльевъ снится о. Игнатию страшный сонъ: судъ по улицѣ Баторія во Львовѣ. Длинный рядъ скосныхъ скамей. Стѣны съ висящимъ балкономъ. Прикрытый синимъ сукномъ столъ. На столѣ Христа распятіе между бѣлыхъ двухъ свѣчей. И кругомъ стола дванадцать заприсяженныхъ судіей.

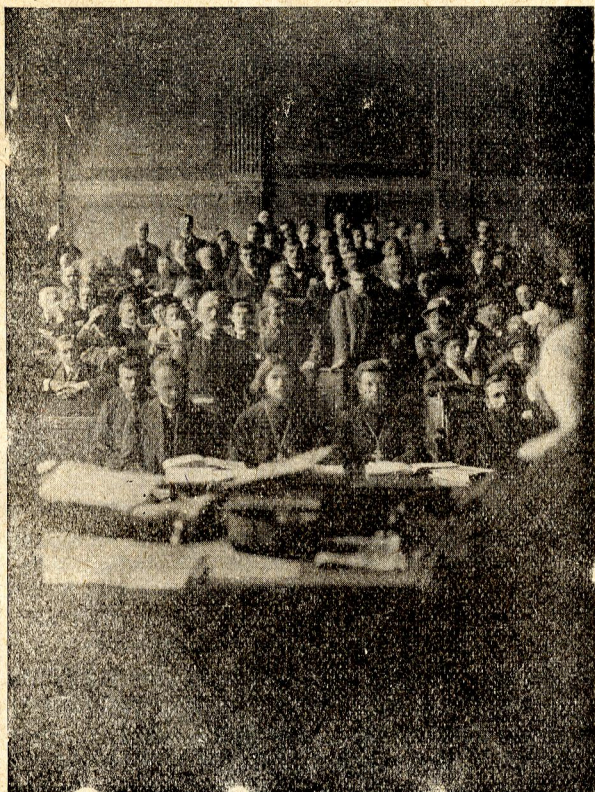
Въ серединѣ предсѣдатель. Въ сторонѣ-же прокуроръ. На скамьяхъ рядкомъ эксперты, представители властей, офицеры, адвокаты, дамы, репортеровъ рой. За спиною подсудимыхъ два жандарма, какъ каты. Сотни глазъ густымъ огнемъ жгутъ блѣдныя ланиты о. Игнатія. Мысленно онъ шепчетъ:

— О Господь, о мой Создатель, защити меня отъ

⁹⁾ Свящ. Гудиму и Сандовича арестоваль жавдармъ Пушкарь. Больше о немъ смотри: „Талергофскій Альманахъ“, 1914, вып. 1

глазъ, отъ лукавыхъ, и фальшивыхъ, и безстыдныхъ, и пустыхъ!

Стынетъ сердце у о. Игнатія, и въ его душу все-ляется ужась, когда грозный председатель въ черной шапочкѣ выкликаетъ его къ отвѣту:



Судъ.

— Почему ты простой народъ бунтовалъ противъ государства? Почему топталъ цѣсаревъ законъ? Почему работалъ тайно на Эбручи, на рубежѣ Австріи, чтобы Галичъ и Карпаты отъ Габсбурговъ оторвать? Почему въ туманѣ ночи мѣрилъ надъ рѣкою мостъ и предательство затылялъ, православнымъ ставъ попомъ?

Молвилъ предсѣдатель.

И о. Игнатій встрепетнулся, словно послѣ купели. Божій лучъ освѣтилъ его умъ-разумъ. Мысли страшныя ушли, какъ не бывали, и высокая идея вырвалась вонъ изъ его груди:

— Благородный предсѣдатель и вы свѣтлые судіи! что хотите — говорите, но я отъ своего не отступлю. Какъ желаете — судите, наказаній не боюсь! У меня нѣтъ тайнъ, и знайте: для добра Богъ создалъ Русь. Вы мнѣ руки заковали, но не скованъ вами мой духъ. Вы ошиблись, помышляя изобразить меня бойцомъ съ картою и саблею въ рукахъ. Не таковъ мой нравъ! Мнѣ Божьей волей суждено быть воиномъ Христа и подымать народъ на подвигъ вѣчной истины.. Ваши бредни объ измѣнѣ воли не согнуть моей, ибо самимъ Богомъ путь мой начертанъ. И вашъ судъ — пустое дѣло, ибо всѣхъ васъ и меня по дѣламъ разсудитъ наивысшій Судія. Если мало вамъ два года мукъ моихъ въ сырой тюрьмѣ, прикажите громогласно отвести меня обратно въ конуру, и не думайте, что я прогнѣваюсь на васъ за такой приговоръ. О, нѣтъ! По Христа завѣту положу за васъ поклонъ.

Предсѣдатель и дванадцать заприсяженныхъ судей встали разомъ, встали ровно и ушли всѣ на совѣтъ. А въ толпѣ кипить, клокочать.

Но дверь настѣжь. Тишина.

— Не нашли мы въ тебѣ вины. Ты свободенъ!..

7

Воля.

Господи! Какой внезапный помысловъ круговоротъ: вчера пытки и угрозы, нынѣ воля и цвѣты, солнца лучъ и птичекъ хоры, слезы радости жены, мать, отецъ, сестра и братья, въ зелени „Народный Домъ“.¹⁰⁾

Господи! поля и нивы, отъ лѣсочка вѣтерокъ, косари, рядкомъ покосы, за работою народъ. Блеютъ овцы на толокъ, у потока рой дѣтей, межъ хлѣбами нуть-до рога вьется радужной дугой.

Господи! село родное, беззаботная молодежь; старики идутъ на встрѣчу съ уѣзда со всѣхъ сторонъ, хлѣ-

¹⁰⁾ Въ „Народномъ Домѣ“ подсудимымъ былъ устроенъ радостной приѣмъ.

бомъ-солью угощаютъ, за почестный столъ садятъ и за полночь разговоры о святой Руси ведутъ.

8.

Война.

Громъ войны! По всямъ, селамъ, по приселкамъ, городамъ ужасы, бѣготня, тревога, трескотъ, лоскотъ, топотъ, гамъ. По лѣсамъ, полямъ, дорогамъ, по заводамъ, фабрикамъ крикъ, смятеніе, совѣты, вихрь страстей и толковъ шумъ. Ёдутъ нѣмцы и мадьяре. Гей, славяне, горе вамъ! Вдоль Карпатъ полковъ громады. О, дрожи, градъ Перемышль! Раступись, земля сырая, ибо судный день насталь!

На крюкахъ, столбахъ, деревьяхъ гибнуть Галича сыны.

Напосѣлся братъ на брата, швабамъ въ наймиты пошелъ, и за деньги, и безъ денегъ выдаетъ своихъ родныхъ. Клеветамъ, кривымъ присягамъ нѣтъ ни мѣры ни конца, и пожаръ злобивой мести Галицкую Русь обнялъ.

И оружіемъ сверкая, нѣмцы движутся на Русь, въ кандалахъ, цѣпяхъ, веревкахъ русскихъ изъ Руси влекутъ. Всѣ аресты и вязницы отъ людей кишатъ, трещать. Млѣютъ жены, плачутъ дѣти. Адъ кромѣшній на землѣ!

За рѣшеткой въ магистратѣ, въ бродской крѣпостной тюрьмѣ, подъ ключемъ о. Игнатій, и съ нимъ множество крестьянъ. Старую тюрьму салдаты опоясали кольцомъ, чтобы голодомъ и жаждой выморить, какъ собакъ. Всякъ, кто хочетъ, камнемъ швыряетъ въ окно. Самосудомъ угрожаетъ, брыжжа пѣною, толпа. День и ночь допросы, пытки, волокита, суетня. Господи святой! доколи будемъ сей позоръ нести?

Вдругъ вся служба разбѣжалась, съ ней толпа и салдатня. Въ магистратѣ и въ вязницахъ, какъ въ могилахъ, тишина. Духъ въ себѣ весь затаивши, люди взрыва бомбы ждуть. Но вотъ чудо, Божье чудо: съ пиками казаки тутъ!

Падаютъ съ дверей оковы. Изъ вязницы претъ народъ, на рукахъ о. Игнатія съ шумомъ несутъ на майданъ. Господи! Какой внезапный помысловъ круговоротъ: ночью дикая расправа, днемъ свобода и цвѣты, солнца лучъ и ширь просгора, слезы радости жены, мать, отецъ, сестра и братья, и ликующій народъ, и въ родной во-

стокъ далекій, въ Руси глубь открытый путь, — отъ из-бытка чувствъ и встряски закружилась голова...

Плачетъ мать, жена рыдаетъ, просятъ уходить скорѣй; но упрямъ о. Игнатій, ни на шагъ изъ хаты вонъ! И на просьбы отвѣчаетъ, какъ дитя:

— Это не были казаки, это хитрости гонведъ, чтобы наши намѣренія, чтобы наши мысли испытать. Впрочемъ чистую имѣя совѣсть, уходить—позоръ, и преступно бросить вотчину палачамъ на произволь. Достояніе, прахи предковъ оставлять въ моментъ, когда надо охранять ихъ грудью, не возможно для меня!

9.

Крестный путь.

Ужъ къ себѣ подходятъ рати. Гнется фронтъ сюда-туда. Молится о. Игнатій на иконы самъ одинъ. Звонитъ тишина. Лампадка тускло въ уголкѣ трещитъ. Бьетъ челомъ въ порогъ стшельникъ и цѣлуетъ полъ родной.

Кто же это сквозь оконце проникаетъ взоромъ внутрь? Берегись, о. Игнатій! Два жандармы, какъ каты!

*

Львовъ въ тревогѣ. Безъ оглядки убѣгаютъ богачи и о городу бушуютъ салдатня и шантрапа.

За громадою громада перевязанныхъ людей день и ночь идетъ на западъ, ибо въ тюрьмахъ мѣста нѣтъ. Весь Львовъ взвылъ. Въ одной громадѣ въ черной рясѣ попь съ крестомъ! Онъ безъ шляпы. Взвизхрень волосъ. Руки въ тяжкихъ кандалахъ.

То не черныхъ ^Егалокъ стадо налѣтаетъ съ черныхъ тучъ, то на мучениковъ хлынетъ беспощадная толпа. На землю о. Игнатій брошенъ, смятъ, избить такъ, что кровь струится по ланитамъ, льется изъ рта и ушей.

То не громъ арматъ и пушекъ сотрясаетъ древній Львовъ, то толпа кричитъ: пусть гибнетъ попь-предатель и шпіонъ!

И погибъ-бы, если люди не сомнули-бы ряды, если-бъ чудомъ не покрыла его чья-то епанча. Какъ онъ всталъ и куда пошелъ, онъ ужъ не помнитъ ничего, ибо въ его очахъ померкъ весь свѣтъ, и шаромъ закрутилась голова...

10.

Талергофъ

Нашумѣлъ недоброй славой сей поганый Талергофъ, накупѣлъ кровавой местию, какъ невымытый горшокъ грязными помоями, провонялъ австрійскимъ гноемъ, какъ засоренный потокъ.

Помяните всѣхъ, чьи въ песокъ истлѣли кости, чья на штыкахъ изсохла кровь, чьи на столбахъ порвались жилы, чьи въ тюрьмахъ вычахли сердца, чьи мозги сгорѣли въ тифъ, чьи очи выкисли въ слезахъ, чей въ отчаяніи разсудокъ помутился, измельчалъ.

Помолитесь за того, кто давилъ себя, чтобъ боли жгучей не переносить, кто грызъ землю въ голодѣ, кто холеру въ холодѣ снѣга думалъ утолить, кто палъ жертвой насѣкомыхъ, кто въ проклятіяхъ проклонъ въ небо слалъ вмѣсто молитвы, кто безъ боя и безъ битвы, какъ герой, тамъ погибалъ.

Милые друзья и братья! помяните тоже тѣхъ, кто доносомъ занимались, на своихъ родныхъ криво клятвы присягали, въ тюрьмахъ братьевъ истязали и кололи, какъ звѣрей.

Каждый день идутъ съ тачками въ поле жалкіе рабы; въ ихъ средѣ о. Игнатій съ неотступнымъ рыскаемъ. Только на опушкѣ лѣса сядутъ люди отдыхать, онъ спокойнымъ крѣпкимъ словомъ подымаетъ павшій духъ. И заслушавшись, всякій невольникъ глубоко вдыхаетъ его слово въ грудь, и швабъ не можетъ надивиться, что послушны всѣ ему, что за нимъ въ огонь и воду всѣ пошли-бы, что его лать коснуться каждый алчетъ и, какъ глаза свои, хранить и бережетъ.

11.

Возвращеніе.

Безъ наказа, манифеста воля въ Талергофъ пришла, ибо въ пухъ и прахъ, за свои грѣхи, распалась Австрія. На землю съ плачемъ и молитвою повалился весь народъ, и собралъ о. Игнатій въ сумку книжечки свои. Вышелъ онъ на путь-дорогу, по которой шли войска на востокъ подрядъ три года, и глянулъ на Талергофъ, гдѣ столь тысячь наказаніе неповинное несли, гдѣ тысячи затерялись, головами полегли.

И, крестясь, роднымъ могиламъ низко поклонился онъ, на спину вложилъ котомку и, терновымъ костылемъ подпираясь, въ даль пустился чрезъ поля и чрезъ лѣса.

Куда?

Ты самъ, читатель, знаешь безъ меня: куда!



Возвращеніе о. Игнатія на родину.

Вѣтеръ вѣетъ отъ полей. Бодрый духъ въ него вступаетъ, все идетъ онъ, напѣвая пѣсни-гимны по пути; солнышку привѣтъ заноситъ и молитвы въ небо шлетъ, и самъ съ собой, шагая мѣрно, разсуждаетъ, говоритъ:

— Подымайсь, моя Отчизна, раны сердца заживай,

собирай свои всѣ силы, сѣмя правды засѣвай! Пусть Господніе глаголы хаты осѣнятъ твои, пусть исчезнетъ мракъ крамолы, и настанетъ миръ-покой! Начинай вновь съ новой силой дѣло новое, мой людъ, и будь увѣренъ, что надъ курганомъ разцвѣтетъ прекрасный цвѣтъ. Въ прошломъ — слезы, но въ грядущемъ воля, слава ждуть тебя: небо объяло Карпаты, и весною пашетъ югъ! Выдвигайтесь изъ народныхъ тайныхъ нѣдръ, орлы-вожди, и разумнымъ словомъ зажигаите братство и огонь любви! Въ ширь и даль по русскимъ селамъ пусть несется вашъ призывъ, и пусть солнце правой вѣры воспламенитъ всѣ русскія сердца!

И проходятъ дни за днями, все идетъ о. Игнатій, пѣсни напѣваетъ, самъ съ собою говоритъ, и слышитъ въ отвѣтъ надъ своею головою пѣсни Херувимовъ и видитъ впереди ликъ своей царственно-прекрасной Отчизны.

Не пойметъ, не разберетъ ужъ теперь о. Игнатій, какъ съ пути онъ своротилъ въ швабскій лѣсъ и къ дровосѣкамъ примкнулъ. Тамъ всю зиму онъ работалъ и питался тѣмъ, что нѣмцамъ оставалось отъ ѣды. И съ лѣсною тишиною онъ сроднился и привыкъ спать въ пещерѣ у потока, живя тамъ нищимъ анахоретомъ.

И опять о. Игнатій не пойметъ, не разберетъ, какъ лѣсъ и пещеру онъ оставилъ и въ нѣмецкое селеніе попалъ. Какъ ни силится придумать, не пойметъ, не разберетъ, какъ у пастора онъ очутился и со службою сталъ жить не въ покоѣ и не въ кухнѣ даже, а подъ жолобомъ въ конюшнѣ.

Но ужъ вовсе онъ не можетъ въ головѣ найти отвѣта, какъ попалъ въ село родное и родительскій очагъ.¹¹⁾ Гдѣ отецъ, гдѣ мать, гдѣ братья, гдѣ сестры и гдѣ жена, отчего здѣсь глухо-пусто, уши тишина сверлить — не пойметъ о. Игнатій, не пойметъ ужъ никогда.

12.

Юродный Христа ради.

Хижина о. Игнатія покосилась, странно въ ней: стѣны, окна, двери испещрены сватыми письменами. Жернова на серединѣ хаты, бѣлый камень у жерновъ; двѣ доски и камень — ложе, а на печкѣ надпись: адъ.

¹¹⁾ Изъ Австріи въ родное село перевезъ о. Игнатія его школьный другъ и пріятель Василій Дикій

11.403

Львв. Библиотека
АН УРСР

Львівська державна
наукова бібліотека

537

Какъ скелеть, о. Игнатій, полотнянкой лишь при-
крыть; гноемъ очи позакисали: онъ не чесанъ и не мытъ.
На его рукахъ вериги, на ногахъ же кандалы; рѣчь у него
туманная, святая, видъ блаженный и простой. Для него
однообразной чередой проходить дни и ночи, мѣся-
цы и годы; а глухъ и нѣмъ онъ на призывы и сосѣдей
и друзей; онъ лишь Божьи псалмы читаетъ передъ Рас-
пятиемъ Христа и за недруговъ обиды бьетъ челомъ о жер-



о. Игнатій,—юродивый Христа ради.

нова. Онъ постоянно собирается куда-то въ далекій путь,
кладеть въ мѣшокъ трапѣе, и опять, какъ пораженный
тревогой, останавливается недвижимо на одномъ мѣстѣ
у забора. Испугъ въ его глазахъ.

*

Дивную Господь погоду ниспослалъ на грѣшный міръ:
мѣсяцъ шель по небосводу, и отъ юга дулъ зефиръ. Гро-
мовымъ, весеннымъ хоромъ бубонѣлъ весь Гитлявальдъ,
на кудрявой старой грушѣ звучно цокала соловей. Отъ

Боратина къ Берлину¹²⁾ растянулся млечный путь на Почаевскую лавру падалъ радуги вѣнецъ.

По росистому бурьяну проходилъ анахоретъ и смиренными устами вдохновенный гимнъ слагалъ:

— Все, что было въ этой жизни, пыль и суета суетъ. За эфирной синей далью вѣчный токъ и тишина. Вышедши оттуда, снова съ ними слѣется правый духъ, чтобъ премудрость славить Бога безъ начала и конца. Идя за могучимъ зовомъ всѣхъ пророковъ и святыхъ мужей, отъ тла тѣла духъ стремится въ эту безоблачную высь. Ясно правду созная, рвется мысль моя туда. Здѣсь я конченъ и ненуженъ болѣе ужъ никому, и лишася противорѣчій, всѣхъ земныхъ тревогъ и заботъ, я къ Тебѣ стремлюсь душою, къ Тебѣ, великій Богъ! По сіящей миллионами зорницъ дорогѣ я къ Тебѣ иду, Создатель, чтобъ у твоихъ ногъ положить всю грусть неволи бѣдной Родины моей, высказать тоску и горе семи вѣковъ, чтобы выплакать свободу для народа моего...

*

На слѣдующій день, въ кучѣ гноя у забора, утромъ нашли дѣти о. Игнатія еле живымъ.



¹²⁾ Села возлѣ Бродовъ.

537

В.Р. Ваврикъ

о. Игнатій